

Екатерина Мордвинцева

**ВАМПИР
ИЗ СОСЕДНЕГО ОФИСА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Вампир из соседнего офиса / Екатерина Мордвинцева – М.: Литнет,
2026. – 232 с.

ISBN 978-5-524-00374-4

В офисе крупной IT-компании ходят легенды о таинственном директоре, который появляется только по ночам. Юля, обычный менеджер, слишком занята авралами и отчетами, чтобы верить в слухи. Но однажды, задержавшись на работе допоздна, она сталкивается с ним лицом к лицу. Высокий, бледный, с пугающе холодной кожей — он не похож на нормального человека. И с этой ночи Юля оказывается втянута в игру, правила которой ей не объяснили. Он придумывает поводы, чтобы она оставалась, она злится, но не может уйти. Потому что между ними вспыхивает чувство, которое сильнее страха. Вот только есть одна проблема: он не человек. И когда правда выйдет наружу, выбрать придется не сердцем, а жизнью.



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00374-4

© Литнет, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Глава 1

Я ненавижу понедельники.

Банально, правда? Настолько избито, что хоть вешайся. Но если бы Гарфилд знал, что такое тащиться в офис в восемь утра по пробкам, с недосыпом после вчерашнего аврала и с ощущением, что кофе сегодня не спасет даже меня, закоренелого кофемана – он бы сменил гнев на милость и перестал ненавидеть этот день недели. Потому что у него, по сути, были каникулы. А у меня – жизнь обычного менеджера в IT-компании с громким названием «Норд – Тех».

Наш офис располагался в бизнес-центре «Плаза» на севере Москвы. Стекланный куб, который местные остряки прозвали «Аквариумом». И это было чертовски точное название. Потому что мы, триста пятьдесят сотрудников «Норд – Теха», действительно напоминали рыб в аквариуме.

Утром нас выпускали из метро, и мы плыли по течению к турникетам, разевая рты в беззвучных телефонных разговорах. Днем мы плавали кругами по опенспейсу, пуская пузыри в виде отчетов и презентаций. А вечером нас вылавливали, чтобы на следующее утро запустить новый цикл.

Я – Юлия Маркелова, менеджер среднего звена в отделе разработки и интеграции. Звучит гордо? Ага, как звук лопающегося воздушного шарика. На деле я – главный передаточное звено между «хотелками» заказчика и «техническими возможностями» программистов. Я перевожу с языка бизнеса на язык кода и обратно, сглаживаю углы, тушу пожары и делаю вид, что у нас все под контролем. И знаете что? У нас действительно все под контролем. До тех пор, пока не случается форс-мажор. А форс-мажоры в IT случаются с завидной регулярностью беременных кошек – то есть постоянно.

В то утро понедельника я влетела в холл «Плазы» за пять минут

до начала рабочего дня, чем нарушила собственное правило «лучше прийти на полчаса раньше, чем опоздать на пять минут». Лифты, как назло, застряли где-то на верхних этажах. Я переминалась с ноги на ногу, слушая, как охрана обсуждает вчерашний футбол, и рассматривала свое отражение в полированной стали дверей лифта.

Выглядела я так себе. Темные волосы, которые я утром кое-как стянула в хвост, синяки под глазами, замазанные тональником в машине на светофоре, и блузка, которая, кажется, помнит вчерашний пролитый кофе лучше, чем я сама. Стандартный набор офисного планктона средней усталости.

– Маркелова! Бог ты мой, ты чего как с креста снятая?

Голос принадлежал Кате Соколовой, моей подруге и, по совместительству, главной сплетнице отдела. Она выпорхнула из второго лифта, который, конечно же, приехал быстрее моего, вся такая свежая, с идеальной укладкой и макияжем, будто не ночь провела за сериалом, а как минимум десять часов в спа.

– Привет, Катюх. – Я вяло махнула рукой. – Ночь не спала. Финальный отчет для «Альфа – Банка» домучивала.

– Ох, бедная. – Катя сочувственно надула губы, но в глазах заплясали любопытные бесенята. – Слушай, а ты слышала новость?

Я вздохнула. Катя была ходячей лентой новостей. Если в «Норд – Техе» кто-то чихнул, она знала об этом раньше, чем этот кто-то успевал сказать «будь здоров».

– Какую? – обреченно спросила я, заходя в наконец-то открывшийся лифт.

– Говорят, наш великий и ужасный Строков все-таки существует!

Я хмыкнула. Игорь Строков. Генеральный директор, владелец, учредитель, таинственный незнакомец, призрак, миф, легенда «Норд – Теха». За три года, что я здесь работаю, я не видела его ни разу. Вообще. Ни на одном корпоративе, ни на одном собрании, ни даже на фотографии в ежегодном отчете.

– Кать, ну сколько можно? – простонала я, прикрывая глаза. –

То он живет в Лондоне и управляет всем оттуда, то он затворник-миллиардер с агорафобией, то он вообще женщина, переодетая в мужчину. В прошлый раз ты говорила, что он – сын олигарха, которого папаша посадил в кресло директора, чтобы не позорил семью.

– А вот и нет! – Катя подняла указательный палец, как учительница в школе. – Информация из проверенных источников. Леночка из бухгалтерии, ну та, что дружит с секретаршей нашего финдиректора, рассказывала, что у них был аудит. И якобы сам Строков подписывал какие-то особо важные бумаги. Лично! Собственно-ручно!

– И что? Леночка его видела?

– Не-а. – Катя сдулась так же быстро, как и загорелась. – Документы ему через курьера отправили, а вернулись они уже с подписью. Но факт!

Подпись-то свежая была! Значит, жив, здоров и где-то рядом.

Я закатила глаза. Лифт остановился на нашем, седьмом, этаже.

– Катюша, да плевать мне на Строкова, – честно призналась я, выходя в шумный опенспейс. – Пусть хоть в Антарктиде живет с пингвинами. Лишь бы зарплату платили вовремя и не заставляли приходить в офис по субботам.

Опенспейс встретил нас привычным гулом. Гул этот складывался из стука клавиш, звона чашек, обрывков телефонных разговоров («Нет, мы вышлем коммерческое предложение сегодня до обеда», «Сервер упал? Почему я узнаю об этом последней?») и характерного запаха дешевого кофе из автомата, смешанного с духами и человеческим потом. Наш стеклянный зверинец жил своей жизнью.

Я прошла на свое место. Ряды столов, перегороженных низкими перегородками, чтобы начальство могло следить за нами, как за хомячками в террариуме. Мой закуток был завален бумагами, стикерами с напоминаниями и пустыми чашками. Я плюхнулась в кресло, которое скрипнуло так жалобно, будто умоляло о пощаде.

– Юль, привет! Ты отчет по «Альфе» сдала? – ко мне подлетел Костик, наш главный тестировщик, вечно взлохмаченный и с безумными глазами человека, который нашел баг там, где его быть не могло.

– Сдала, Кость. В три часа ночи отправила. – Я потеряла виски.

– О, круто! А то Тимур Юрьевич с утра уже бешеный бегают, всех на ковер зовет. Говорят, у него разнос с самим...

Костик понизил голос до заговорщического шепота:

– ...с самим Строковым по зуму было. Я устало рассмеялась.

– Кость, ты тоже туда же? Строков, Строков... Да нет никакого Строкова. Это выдумка, чтобы мы боялись и работали лучше. Как Дед Мороз для взрослых.

– А вот и нет! – Костик обиженно надулся. – Мне Тимофей из IT рассказывал, что они ночью серверы настраивали и видели, как в кабинет директора свет горел. На семнадцатом этаже. А там же никого в ночную смену нет! Только охрана.

– Фантом Строкова, – хмыкнула я, включая компьютер. – Бродит по коридорам в поисках нерадивых сотрудников. Страсти какие.

– Смейся-смейся, – обиженно буркнул Костик и уплыл обратно в свой отдел тестирования.

Я уставилась в монитор. Сорок семь непрочитанных писем. Шесть срочных задач. Три просроченных дедлайна. И это только начало дня. Кофеин тонкой струйкой вливался в кровь из огромной кружки, которую я принесла с собой. Кофе из автомата я принципиально не пила – эту бурду даже растворять было жалко.

– Юля, зайди ко мне.

Я вздрогнула. Над перегородкой возвышалась голова Тимура Юрьевича, нашего руководителя отдела. Лысеющий мужчина с вечно недовольным выражением лица и галстуком, который всегда сидел криво. Его боялись, но не уважали. Потому что Тимур Юрьевич был классическим менеджером – перестраховщиком, который умел только одно – транслировать стресс сверху вниз, на подчиненных.

– Иду, – вздохнула я, допивая кофе залпом, как лекарство.

Кабинет Тимура Юрьевича был такой же стеклянный, как и весь опенспейс, но чуть более просторный. Стеклянные стены создавали иллюзию открытости, но на деле это была тюрьма на виду у всех. Сидишь и чувствуешь спиной взгляды коллег.

– Юля, садись. – Тимур Юрьевич указал на стул напротив. Он говорил вкрадчиво, а это был плохой знак. Когда он орал – это была обычная рабочая суета. Когда начинал мурлыкать – жди беды.

Я села, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица.

– Я смотрел отчет по «Альфе», – начал он, барабанив пальцами по столу. – Хорошая работа. Качественная. Заказчик доволен.

– Спасибо, – осторожно ответила я, ожидая подвоха.

– Но! – Тимур Юрьевич поднял палец. – Есть один нюанс. Проект для «Глобал – Инвеста». Ты знаешь, что дедлайн – пятница.

Я кивнула. Еще бы я не знала. Проект «Глобал – Инвест» висел надо мной дамокловым мечом уже месяц.

– Так вот. – Он наклонился вперед. – Заказчик внес правки. Последние. Окончательные. Честное слово, в этот раз точно последние. – Он хмыкнул, давая понять, что сам не верит в это. – Но правки серьезные. Нужно переделывать архитектуру базы данных.

У меня внутри все оборвалось.

– Тимур Юрьевич, но это же неделя работы минимум! Как мы можем уложиться до пятницы?

– Юлечка, – Тимур Юрьевич развел руками, изображая вселенскую скорбь, – я тебя умоляю. Ты же у нас профессионал. Решай вопросы. Я в тебя верю. Если нужны будут люди – бери. Хоть ночью работай. Но в пятницу отчет должен лежать у меня на столе.

Он сказал это таким тоном, будто речь шла о том, чтобы сходить в магазин за хлебом. А не о том, чтобы за трое суток сделать работу, на которую нормальные люди тратят пять рабочих дней.

– Я...

– Все, Юля, иди работай. – Он уже уткнулся в монитор, давая понять, что аудиенция окончена. – Ты справишься.

Я вышла из кабинета на ватных ногах. Села за свой стол и усталилась в одну точку. «Ночью работай». Легко сказать. У меня, между прочим, тоже есть личная жизнь. Точнее, ее отсутствие, но это не повод проводить в офисе круглые сутки.

– Что, нагрузили? – Катя возникла рядом как из-под земли. – Вижу по лицу. Даже синяки под глазами стали фиолетовее.

– «Глобал – Инвест» внес правки, – тускло ответила я. – Надо переделывать все. К пятнице.

– Охренеть, – искренне удивилась Катя. – Соболезную. Слушай, а может, ну его? Наплюй? Ну уволят – не велика потеря.

– Кать, ты смеешься? – Я посмотрела на неё с укором. – Квартира съемная, кредит за машину, маме помогаю. Мне увольняться нельзя. Я и так еле концы с концами свожу.

– Ну, тогда терпи. – Катя похлопала меня по плечу. – Кстати, хочешь верь, хочешь нет, но я сегодня опять видела машину Строкова на парковке. Ночью. Темный «Мерседес» с тонировкой. Охрана говорит, что он приезжает, когда все расходятся.

– Охране лишь бы болтать, – отмахнулась я, но в груди что-то кольнуло. Не страх. Скорее, любопытство. Странное какое-то.

День тянулся бесконечно. Совещание по «Глобал – Инвесту» (на котором меня завалили новыми вводными), разбор полетов с программистами (которые, узнав о правках, матерились так, что даже стены покраснели), переговоры с заказчиком (которые вели себя так, будто мы их личные рабы). К восьми вечера я чувствовала себя выжатым лимоном. Глаза слипались, голова гудела, а на столе все еще лежала гора несделанных задач.

Я посмотрела в окно. За стеклянной стеной опенспейса давно стемнело. Офис постепенно пустел. Сначала ушли девочки из бухгалтерии, потом потянулись менеджеры. Программисты, как существа сумеречные, еще сидели, уткнувшись в мониторы, но и они начали

потихоньку собираться.

Я вздохнула, посмотрела на кипу бумаг и приняла волевое решение: часть работы возьму домой, а с утра приду пораньше. В конце концов, не умирать же здесь.

Я собрала сумку, накинула пальто и пошла к лифтам. Офис погружался в полумрак – автоматика отключала свет в пустующих зонах. Становилось тихо и как-то... неуютно.

Лифт приехал быстро. Я нажала кнопку первого этажа и прислонилась к стенке, прикрыв глаза. Всего один день, а такое ощущение, что меня переехал каток.

Лифт остановился. Я вышла в пустой холл. Охрана в будке клевала носом. Я кивнула им на прощание, но они не заметили.

Я вышла на улицу. Ночная Москва встретила меня холодным ветром и запахом мокрого асфальта – прошел дождь. Я подняла воротник и направилась к парковке, где стояла моя старенькая, но любимая «Мазда».

И тут я заметила.

Там, в дальнем углу парковки, под фонарем, который давно не работал, стоял черный автомобиль. «Мерседес». Дорогой, тонированный, с идеально вымытыми боками, на которых отражались огни бизнес-центра.

Салон автомобиля не горел. Но мне показалось, или внутри действительно кто-то сидел? Темный силуэт на водительском сиденье, неподвижный, как статуя.

Я поежилась. Не от холода. От странного, иррационального чувства, что за мной наблюдают. Вспомнились слова Кати и Костика. Строков. Ночной «Мерседес». Свет в кабинете на семнадцатом этаже.

– Глупости, – сказала я вслух, чтобы подбодрить себя. – Мерещится всякое от усталости.

Я села в машину, завела двигатель и выехала с парковки, стараясь не смотреть в сторону черного «Мерседеса». Но краем глаза все

же заметила, что когда я проезжала мимо, силуэт внутри качнулся. Словно повернул голову, провожая меня взглядом.

Я вдавила педаль газа в пол и вылетела с парковки, как ошпаренная. Дома я долго не могла уснуть. Ворочалась, думала о работе, о проклятом

«Глобал – Инвесте», о Тимуре Юрьевиче с его вечными «но». И о черном

«Мерседесе» на пустой парковке. Кто бы там ни сидел, он смотрел на меня. Я готова была поклясться.

– Строков, – прошептала я в темноту. – Призрак офисный.

Заснула я только под утро. И мне приснился странный сон. Будто я снова в офисе, но там темно и тихо. Я иду по пустому коридору, и мои шаги гулко отдаются от стен. А в конце коридора, у лифтов, стоит мужчина. Высокий, в черном пальто. Он стоит ко мне спиной, но я знаю, что если он обернется, случится что-то страшное.

– Юля, – позвал он, не оборачиваясь. Голос низкий, бархатный, проникающий под кожу. – Ты удержишься сегодня?

Я проснулась в холодном поту. Сердце колотилось как бешеное.

– С ума сойти, – выдохнула я, глядя в потолок. – Строков мне уже снится. Докатилась.

Я не знала тогда, что это был не сон. Или не совсем сон. И что очень скоро мне действительно придется задержаться на работе. Очень сильно задержаться. На всю ночь.

И моя жизнь изменится навсегда.